

УДК 1/14

**ПРОЕКТИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
КОРРЕЛЯТЫ ЭПОХИ АВАНГАРДА***А.П. Гольшев***Аннотация**

Объектом рассмотрения в статье является проектирование социальной реальности, основанное на сочетании неклассической картины мира и традиционализма, в творчестве П.А. Флоренского как представителя эпохи авангарда. Показано, что Флоренский пытается синтезировать идейные доминанты авангарда, революционность во всех сферах человеческого бытия, современные ему достижения техники и науки (особенно её интуитивистски-когнитивную направленность) с консерватизмом, критикой цивилизации своего времени, стремлением к структурированности, поиском универсального центра, иерархии, обращённостью к прошлому (пифагорейско-платоновской метафизике) и в то же время с надеждами на обновление человека, реализацию его личной свободы в авторитарном обществе.

Ключевые слова: авангард, социальное проектирование, неклассическая картина мира, консерватизм, государство, революция.

Термин *проектирование* (от лат. *projectus* 'брошенный вперёд') обозначает процесс создания прототипа, прообраза предполагаемого или возможного объекта, состояния, специфическую деятельность, результатом которой является научно-теоретически и практически обоснованное определение вариантов прогнозируемого и планового развития новых процессов и явлений [1, с. 6]. Родоначальником философии проектирования социальной реальности был древнегреческий философ Платон, создавший проект «идеального государства». В настоящей статье объектом рассмотрения стала модель проекта государственного устройства, предложенная П.А. Флоренским, как соединение «мечтаний и чаяний» философов и художников эпохи авангарда (выстраивающих особые отношения со временем, ставящих свои проекты выше, чем простая изобретательность, предвидение или идеальная организация общества, а себе отводящих роль своего рода мессии, творческий акт которого проникнут неудовлетворённостью, отсылающей к другому миру) и консервативной традиции, идущей от Платона, где человек отождествлялся с государством и вся его деятельность являлась структурно подчинённой идее государства как универсальному центру бытия.

Что собой представляет авангард? Почему он так важен для определения вектора развития и становления миропорядка в начале XX века? В силу каких обстоятельств он стал той призмой, с помощью которой можно рассматривать события и явления той эпохи в синтезе науки, искусства, религии и даже политики?

В отличие от мыслителей, представлявших классическую картину мира, которые преимущественно оперировали такими понятиями, как *системность*, *конечность*, *сформулированность*, *статичность*, представители авангардной неклассики воспринимали мир в его хаотичности, сдвинутости, изменчивости и незавершённости. Н.А. Бердяев в этой связи скажет: «Мир стал пластичен, и из него можно лепить новые формы» [2, с. 124]. Человек находится в движении, он сам является частью всеобщего процесса изменчивости, граница между субъектом и объектом становится размытой. Изменяются представления о материи, пространстве, времени. «Так твердое вещество больше не являлось природной субстанцией; пространство и время стали относительными и образовали единый пространственно-временной континуум; само пространство оказалось искривлено, а материя предстала одновременно и частицей, и волной, сама естественнонаучная мысль потеряла механицистски-классификаторскую определённость и перешла к оперированию метафорическими понятиями» [3, с. 64].

Такие выдающиеся научные открытия, как неевклидова геометрия Н.Н. Лобачевского, уравнение Э. Шрёдингера, принципы дополнительности Н. Бора и неопределённости В. Гейзенберга, теория Большого взрыва Ж. Леметра, гипотеза расширяющейся Вселенной А. Фридмана, оказались не только физическими открытиями, но и мировоззренческой вехой, перевернувшей представления о мире. Главной особенностью неклассической науки стало выявление непротиворечивости ранее не сочетавшихся объектов исследования, изменение методологии интерпретации бытия, введение понятия обратимости миропорядка, выстраивание новой системы обусловленности явлений, формирование новых логик.

Вместе с тем для многих мыслителей XX века характерно сочетание научности и иррационализма, эмпиризма и отрешённой метафизичности. Наука воспринималась не только в традиции позитивизма, но и в интуитивистски-когнитивном формате. Примером может служить проблема четвёртого измерения, которая объединила представителей науки, искусства, философии, религии. В «Опыте художника новой меры» М.В. Матюшин пишет: «Вопрос об измерениях в начале нашего века остро волновал всех, особенно художников. О четвёртом измерении создавалась целая литература. Всё новое в искусстве и науке принималось выходящим из самых недр четвёртой меры» (цит. по [4, с. 132]). Флоренский рассуждает о четвёртом измерении в работе «Мнимости в геометрии», где также приводит мысль, которая может стать объяснением всей практике художественного авангарда: «...отсутствие зрительности, то есть некоторое иное восприятие, оформленное как зрительное, необходимо представляется негативным – и зрительное по форме, и незрительное по содержанию» [5, с. 65].

Флоренский, религиозный философ и математик, священник и художественная натура, был человеком своей эпохи – времени синтезов, разрушения статичности, линейности, готовых форм. Всё это отражено в работе «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях»: «В действительности нет ни пространства, ни реальности, – нет, следовательно, также вещей и среды. Все эти образования суть только вспомогательные приёмы мышления, и потому, само собою понятно, они должны быть неопределённо пластичными, чтобы предоставить возможность мысли всякий раз достаточно тонко приспособиться к той части действительности, которая

в данном случае представляет предмет особого внимания» [6, с. 5]. Вместе с тем для о. Павла это всего лишь декларация, в дальнейшем он напишет, что, если в действительности это произойдёт, наступит смерть познания.

Для нас важен также принцип инвариантности человеческого бытия, о котором идёт речь в последнем параграфе книги «Мнимости в геометрии», добавленном в 1922 г. Здесь Флоренский описывает математическую плоскость, исходя из наличия двух составляющих: мира реального присутствия человека и его оборотной стороны – области мнимых величин (он же мир платоновских идей, в котором человек может оказаться при условии достижения скорости света, когда, по мнению о. Павла, должен произойти разлом в пространстве и времени).

Именно здесь, возможно, лежит ключ к пониманию «загадки» Флоренского, который был человеком авангарда, жил в нём, испытывал на себе его влияние, но так и остался в нём гостем. На наш взгляд, одной из причин этого являлась приверженность Флоренского пифагорейству, объединённому с теорией множеств Г. Кантора и аритмологией Н.В. Бугаева в единую универсальную систему. Флоренский на протяжении всей жизни преследовал цель, сформированную Пифагором: создание строгой теории, отражающей в себе с помощью исчислений все области знаний. Поэтому на призыв авангардистов («уничтожение всех границ государства, уничтожение национальности, уничтожение отечества ведут к совершенству. <...> Цель жизни – из многорасового деления человека оформить его в одну расу. <...> Человек из пяти рас, или пяти частей, его мозг делится на пять. <...> Будущий человек однолитый, невидимый» [7, с. 171]) Флоренский отвечает: «Государство есть целое, охватывающее своей организацией всю совокупность людей. Оно было бы пустой безжизненной фантазией, если бы не учитывало конкретных данных конкретных людей и подменяло их данными отвлечёнными и фантастичными. Но... целое не стало бы реальностью, если бы оно всецело определялось данностями людей и не имело бы направляющей общество силы» [8, с. 7].

На наш взгляд, Флоренский и интересен тем, что, с одной стороны, он принимает современную ему картину авангардного миропорядка (достижения науки и техники, интуитивно-когнитивные особенности последней), пишет в письмах об абсолютной революции, не имеющей конца, а с другой – остаётся традиционалистом, апологетом структурированности, сводимости всего к универсальному центру и его поиску. Флоренский – это консерватор авангарда со своими постоянными попытками нахождения универсальной структуры и новатор времени спада авангарда. Когда К.С. Малевич подпишет свою картину с симптоматичным названием «Сложное предчувствие» (1928–1932) словами «Композиция сложилась из элементов пустоты, одиночества, безысходности жизни», Флоренский (через год, находясь в заключении) составит, как ему представляется, востребованный «проект устройства государства в будущем», в котором отразится разочарование в достижениях современного миропорядка и фактически авангардизма как одного из его модусов: «Начиная от тончайших построений физико-математических наук, кончая достаточно элементарными средствами существования – все стороны жизни наполнены ядовитыми продуктами жизнедеятельности и заняты разрушением самих себя. Наука учит не бодрой уверенности знания, а доказательству бессилия и необходимости скепсиса; автомобилизм –

к задержке уличного движения; избыток пищевых средств – к голоданию; представительное правление – к господству случайных групп и всеобщей продажности; пресса – к лжи; судопроизводство – к инсценировке правосудия и т. д. и т. д.» [8, с. 10]. И как упрёк современникам звучат следующие слова о. Павла: «Вся жизнь цивилизационного общества стала внутренним противоречием, и это не потому, что кто-либо особенно плох, а потому, что разложились и выдохлись те представления, те устои, на которых строилась эта жизнь» [8, с. 12].

Вместе с тем Флоренский понимал грандиозный масштаб происходящего: «С началом текущего века научное миропонимание претерпело сдвиг, равного которому не найти, кажется, на всём протяжении человеческой мысли; даже скачок от Средневековья к Возрождению теряет в своей значительности, будучи сопоставлен с мыслительной стремниной нашего времени. Слово *революция* кажется слабым, чтобы охарактеризовать это событие культуры: мы ещё не знаем, как назвать его» [9, с. 632]. Это связано с тем, что философ де-факто – плоть от плоти авангарда. Это начинает проявляться ещё в публикациях о священнике С. Машкине, где главной задачей автора являются изменение сознания аудитории и подготовка к принятию новых правил и авторитетов. Интересна также сама методология преподнесения материала, когда отбрасываются логическая последовательность и непротиворечивость, делается упор на непосредственную, подсознательную коммуникацию с читателями, основанную на «пробаблизме» – движении на авось, в надежде на чудо. «Суждение Флоренского – это скорее идейный жест, в сочетании с пластическим жестом рассчитывающий на своё гипнотическое воздействие. <...> Флоренский был уверен... что под его сверлящим взором всё распадалось в мнимых ценностях и условных приобретениях» [10, с. 177].

При сравнении манифестов авангардистов и проекта «предполагаемого государственного устройства в будущем» мы обнаружим в обоих случаях приход человека новой эры, изменение существующего миропорядка и, следовательно, мировоззрения, недовольство существующим положением вещей в науке, культуре, политике и т. д. Но были и противоречия: если представители авангарда ратовали за вымывание из картины мира индивида (машинизированный человек, к примеру), то Флоренский предлагал учитывать его интересы и предоставлять всё необходимое для того, чтобы направить в правильное для государства (общества) русло и приносить ему пользу. Другое различие связано с основаниями подхода к достижению цели: для авангардистов важна не столько разработка конкретного плана изменения действительности, сколько декларируемая ненависть к современности, для Флоренского же современность – это лишь шаг в рамках разработки конкретного плана изменения действительности, где главная роль отводится системности – иерархизации бытия, выделению уровней, определению месторасположения каждого явления, знака, сферы.

Соотнося устремления авангарда и позицию Флоренского, обратим внимание на слова В.К. Кантора, который так определяет интенцию авангарда: «Прозвучавшие в Серебряном веке призывы к “симфонической личности” (вместо гуманистической; Л. Карсавин), “обратной перспективе” (П. Флоренский), общинно-хоровому “высвобождению дионисийских энергий” (Вяч. Иванов) стали своеобразной эстетической моделью тех социально-политических структур,

которые с такой убийственной силой реализовались в историческом пространстве, превращая его в антиисторическое... Явился пренебрегший театральной рампой хор и принялся управлять жизнью... Чрезвычайно интересно, что многие корифеи этого хора так или иначе были связаны с элитой Серебряного века – литературно или дружески. Значит, существовала какая-то связь, существовали умы, усвоившие игровые модели, и существовал некий фактор, позволивший превратить игру ума в реальность» [11, с. 308–309].

Вспомним в этой связи К.Э. Циолковского с его концепцией изменения социальной реальности на основе принципов социал-дарвинизма или Н.А. Бердяева, который, с одной стороны, писал о кризисе гуманизма в рамках коммунистического извода и критиковал Ницше за то, что гуманизм в его концепции кончает свою бурную, трагическую историю. Это нашло выражение в словах Заратустры: «Человек есть стыд и позор, он должен быть преодолён... Человек есть лишь преходящий момент, лишь средство для явления в мир высшего существа; он целиком приносится в жертву этому сверхчеловеку, во имя сверхчеловека человек отрицается и отвергается» [12, с. 127]. Но с другой стороны, Бердяев утверждал, что «работа свободного самоограничения человека, свободной дисциплины, волевого подчинения себя сверхчеловеческой святыне может предотвратить окончательное истощение творческих сил человека, она приведёт к накоплению новых творческих сил и сделает возможным новый христианский Ренессанс, который для избранной части человечества наступит лишь на почве укрепления человеческой личности» [12, с. 141]. Интересен вывод, к которому приходит Н.А. Бердяев после революции: «Произошёл подбор биологически сильнейших, и они выдвинулись в первые ряды жизни» [13, с. 457].

Флоренский – далеко не единственный, кто формулировал программу преобразования социальной действительности и подготавливал его идейную базу, принимая революционные изменения, происходившие в России, но он был одним из немногих, кто на закате авангарда попытался сформулировать положительную программу возможного социального конструирования реальности в рамках доступной ему методологии и претворения её в жизнь, принимая во внимание сложившуюся социальную практику.

Summary

A.P. Golyshev. The Design of Social Reality: Correlates of the Avant-Garde Era.

The paper considers the design of social reality based on the combination of non-classical and traditional pictures of the world in the works of P.A. Florenskii, the avant-garde artist. It has been demonstrated that P.A. Florenskii tried to synthesize ideological dominants of the avant-garde, revolutionism in all spheres of the human existence, contemporary technological and scientific achievements (especially as concerns intuitionistic and cognitive orientation) with conservatism, criticism of the civilization of that time, desire for structuring, search for the universal center, hierarchy, and appeal to the past (Pythagorean-Platonic metaphysics), as well as with the hopes for human renewal and enjoyment of personal freedoms in the authoritarian society.

Keywords: avant-garde, social construction, non-classical picture of the world, conservatism, state, revolution.

Литература

1. *Курбатов В.И.* Социальное проектирование. – Ростов н/Д: Феникс, 2001. – 416 с.
2. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
3. *Гирин Ю.Н.* Картина мира эпохи авангарда. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – 400 с.
4. *Харджиев Н.И.* К истории русского авангарда. – Стокгольм: Гилея, 1976. – 189 с.
5. *Флоренский П.А.* Мнимости в геометрии: расширение области двумерных образов геометрии (опыт нового истолкования мнимостей). – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 72 с.
6. *Флоренский П.А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М.: Прогресс, 1993. – 324 с.
7. *Малевич К.С.* Разум и природоестество // Малевич К.С. Собрание сочинений: в 5 т. – М.: Гилея, 2004. – Т. 5. – С. 167–173.
8. *Флоренский П.А.* Предполагаемое государственное устройство в будущем: Сборник архивных материалов и статей. – М.: Городец, 2009. – 214 с.
9. *Флоренский П.А.* Пифагоровы числа // Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1996. – Т. 2. – С. 632–647.
10. *Гальцева Р.А.* Очерки русской утопической мысли XX века. – М.: Наука, 1991. – 208 с.
11. *Кантор В.К.* Расцвет и падение эпохи артистизма // Кануны и рубежи: типы пограничных эпох – типы пограничного сознания: в 2 ч. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – Ч. 2. – С. 300–327.
12. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 177 с.
13. *Бердяев Н.А.* Русский соблазн // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. – М.: Искусство, Лига, 1994. – Т. 1. – С. 447–462.

Поступила в редакцию
12.11.14

Голышев Александр Павлович – аспирант кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: sasha.ksu@gmail.com